

и она бросилась к ногам, чтобы объять их. И она приняла Его за «вертоградаря», с нетленными розами, это и было в вертограде. Мыслятся, что с нею и за нею идут и другие жены-мироносицы, которые с вечера «зряша, где Его полагаху», и утром пришли с ароматами, в образ софийной, поэтической любви.

Но мысль восходит и выше, путем таинственного, богородичного молчания. Это молчание говорит со всею бесспорной ясностью (таково и Предание), что Христос *первой* явился Невесте Невестной, Деве Марии, личной Церкви Его. И вот я сегодня ночью понял (хочется сказать — увидел), что Христос с розами есть явление Его Богоматери, самой Софии в тварном Ее Лике. Именно *таково* и было это явление: Голгофа, и терновый венец, и раны и смерть, — все это было пережито Богоматерью и потонуло в Ее скорби, но было и преодолено вместе с Нею, осталось лишь: «се Жених грядет в полунощи», чаяние Жениха небесного, с розами.

Поэтому я считаю, что это не есть образ Апокалипсиса (там другое, хотя о «Невесте Агнца» сказано именно там), это есть пасхальное видение: «воскресение Христово видевшие». Но оно, конечно, предполагается и включается в *последние* образы Апокалипсиса.

Если бы я имел художественный дар, я пропел бы это в слове, за отсутствием его говорю деревянным языком, тебе же дано было — худо ли, хорошо — это даже не важно, п. ч. всякий образ здесь несовершенен, — узреть и явить это видение.

Два письма матери Марии отцу Сергию Булгакову

Мать Марию (1891–1945) и о. Сергия Булгакова (1871–1944) связывали в эмиграции большая дружба и деятельное сотрудничество: участие в съездах РСХД¹, в собраниях Религиозно-философской академии², в «Православном Деле». «Руководитель, друг, отец...» — писала мать Мария в стихотворении, посвященном о. Сергию:

Когда вернусь, куда? Бог весть.
О, многолюдная трущоба.
Лишь здесь, где горечь, боль и злоба,
Мне надо знать — ты в мире есть...

Отец Сергей часто служил в церкви на улице Лурмель, основанной м. Марией при общежитии для русских эмигрантов, для

всякого одинокого, несчастного, «шатающегося», так и прозвал о. Сергей этот приют «Шаталова пустынь». Богословские прозрения о. Сергия нашли многообразный отклик в жизни и творениях м. Марии, в ее религиозно-философских статьях, в мистериях, в иконописи и шитье. К своему духовному отцу она неоднократно обращается в записных книжках. Вряд ли переписка между ними была очень обширна, поскольку они жили в одном городе и часто общались. В личном архиве о. Сергия, хранящемся в библиотеке Сергиевского подворья, сохранились лишь эти два письма.

1

16.07.38 г.

Дорогой отец Сергей!

Мне хочется написать Вам о том, как дальше развивались наши дела с отцом Киприаном* и как все разрешилось. Вчера вечером Владыка³ окончательно подтвердил, что он остается у нас. Но решение это достигнуто после целого ряда колебаний и настоящих мук. Эти дни были буквально совершенно изнурительны. В четверг утром он пришел ко мне сказать, что окончательно решил уходить. Причины все те же: абсолютная неприемлемость для него Православного дела**, — при одном упоминании о нем он вздрагивает,

* Керн Константин Эдуардович (1899–1960), активный участник кружка РСХД в Сербии, в 1927 г. принял монашество с именем Киприана, преподавал в семинарии г. Битоля, был начальником Русской миссии в Иерусалиме, затем с 1937 г. профессором по литургике и патристике в Св. Сергиевском Богословском Институте. Крупный ученый, автор многих богословских книг и статей. В 1936 г. был назначен настоятелем в Лурмельский приход, охарактеризованный митроп. Евлогием как «необычный, особенный, и скажу, очень трудный» (см.: Вестник РХД, №168, стр. 88). Мать Мария, настаивавшая на значении «внехрамовой литургии», расходилась с другими монахинями, во главе с матерью Евдокией, искавшими более созерцательного образа жизни. Назначение о. Киприана эти трудности только усугубило:

Над потолком моим шаги уже три года,
Три года в доме веет немота.
Не может быть решенья и исхода,
Одно решенье — ветер, пустота.

В мае 1938 г. мать Евдокия и мать Бландина покинули общежитие и основали общину в Муазене-ле-Гран (с 1947 г. переместившуюся в Бюссиан-От, где существует и поныне). О. Киприан оставался на Лурмель еще несколько месяцев, особенно мучительных для обеих сторон. К этому времени и относится письмо матери Марии.

** Обособившись от Русского Студенческого Христианского Движения, но отнюдь не порывая с ним, мать Мария создала свое объединение

как от прикосновения к электрическому току, — полный личный разрыв с нами, нежелание заниматься ничем, кроме книжек, и еще, и еще без конца. Он, мол, знает, что это его пастырский грех, говорит с проекцией на страшный суд, на котором ответит за такое малодушное решение, он, уходя от нас, должен понимать, что это его смерть, как священника, но, тем не менее, сил нет оставаться, терпения нет и т. д. Он знает, что у нас ему нет места, и в Подворье нет места, и на всем Божьем свете нет места. Все это, и еще многое другое, было сказано так, что я уже не могла сомневаться, что просто передо мной человек в припадке острой неврастении. Мне было очень мучительно от какой-то беспомощной жалости. Не буду Вам передавать того, что я говорила. Руководствовалась я главным образом этим чувством жалости. Но все же, все время настаивала, что ни в чем не хочу его убеждать, ни на чем не хочу настаивать, что принимаю любое его решение, поскольку оно свободно. Единственно, что для меня неприемлемо, — это если Владыка прикажет ему оставаться у нас. На это он заявил, что Святитель должен крикнуть на нас и приказать, — тогда все будет просто. Как бы то ни было, мы решили опять-таки ни на чем не останавливаться, а ждать разговоров с Владыкой. В тот же вечер я отправилась на Дарю, два часа рассказывала Владыке все подробности этих дней, старалась быть как можно более объективной и ни на чем не настаивала. Вчера утром отец Киприан пришел ко мне спрашивать о разговоре с Владыкой. За это время у него был отец Михаил* и просто нашумел за истерику. Отец Киприан уже как будто забыл о своем вчерашнем решении и был опять в полной неопределенности. Он начал мне ставить условия: никакой работы в Православном деле, отказ от преподавания в четверговой школе⁴, право свободного выбора друзей и еще какая-то ерунда. Я даже не слушала особенно, а на все соглашалась. Сказала только, что мне и моим друзьям не хотелось бы по-прежнему быть отлученными от церкви, и что я считаю необходимым, если он останется, то хоть изредка иметь с ним серьезный разговор. Я ему сказала, наконец, что для меня вопрос ясен: если из всякой моей невнятицы, из самого факта, что я пробилась к нему через бойкот, недоброжелательство и злобу, из всех моих подспудных мотивов, — до него ничего не дошло, — то он должен уходить. Ес-

«Православное Дело» как «союз православного движения в миру». Среди основателей были Н. А. Бердяев, о. Сергей Булгаков, Г. П. Федотов, К. В. Мочульский, почетным председателем был избран митр. Евлогий.

* Судя по всему, о. Михаил Чертков (1878–1945), бывший земский деятель, казначей «Православного Дела», тюремный и больничный священник.

ли же дошло хоть что-нибудь, пусть в самом непонятном виде, как отзвук какой-то, — то он должен оставаться, потому что говорила я о самом главном, а остальное только, как некоторый гардероб человеческой души, который и не так уж важен. Во всяком случае, решение должно быть свободным, и я заранее принимаю любое решение. Трудно в письме передать и эти наши разговоры, и вообще атмосферу вчерашнего дня. В какой-то промежуток ко мне забежал еще отец Михаил, — он умолял считаться с тем, что отец Киприан находится в состоянии острого неврастенического припадка и ни на какие его слова нельзя обращать внимания. Вечером он отправился к Владыке. Я ждала его возвращения до одиннадцати. Наконец он пришел, совершенно замученный, прямо упал в кресло и сказал трагическим голосом, что очевидно он остается у нас, но это ему нестерпимо тяжело. Я пыталась его утешить в этом горе. Теперь мы оба мечтаем два месяца отдыхать друг от друга.

Легко мне или тяжело, — я сама не знаю. Знаю, что я с невероятным упорством и напряжением шла эти 20 дней и против собственной воли, и против воли отца Киприана. И совершенно убеждена, что так было нужно. Во всяком случае сейчас как-то дьявол посрамлен. Надолго ли? Думаю, что отец Михаил прав, — и помимо всего прочего мы имеем дело с разливанным морем неврастении.

Конечно, я понимаю, что, идя на все эти разговоры, я раз и навсегда отказалась от возможности сожалеть и раскаиваться в том, что получилось. Я и не сожалею. Но задумываться приходится: как налаживать эту нашу будущую совместную жизнь, учитывая и неврастению, и какую-то одержимость, и неприязнь ко мне, и трудности работы, и неизбежное непонимание всего происшедшего со стороны моих друзей и сотрудников? Думаю, что в личных наших отношениях по его возвращении буду устанавливать некий душевно-лазаретный режим. В смысле работы трогать не буду. А там, что Бог даст*.

Вот и вся наша повесть. Хочу надеяться, что дальше будет и легче, и лучше. Написала Вам, и немного от души отлегло.

Ваша монахиня Мария.

* В итоге о. Киприан оставил лурмельский приход. На его место 14 сентября 1939 г. был назначен «согласно прошению» священник Дмитрий Клепинин, с которым у м. Марии установились замечательные отношения взаимного уважения и понимания. Они прошли совместный крестный путь вплоть до мученической кончины в немецких концлагерях.

2

17.09.1939 г.

Дорогой отец Сергий,

с большим сомнением берусь я писать Вам это письмо: с одной стороны, знаю, что все Ваши близкие не хотят Вас волновать*, с другой стороны, ставлю себя на Ваше место, и знаю, что не простила бы никому, если бы от меня скрыли какую-нибудь беду, происходящую с моим другом. Кроме того, имею формальное поручение, которое должна Вам передать. Знаете ли Вы, что Василий Васильевич Зеньковский¹ арестован? ** Он сидит сейчас в тюрьме Санте², числится за военной властью, и до сих пор никому не удалось добиться свидания с ним, — даже отцу Михаилу, который вообще допускается к русским арестованным. Наверное, все это недоразумение, которое выяснится, когда власти разберутся в его деле. Сейчас оно еще не дошло до прокурора, — так много арестованных, что поэтому происходят всякие путаницы и задержки. Во всяком случае, нам удалось установить, где он, и отец Михаил передал ему 200 франков. Кроме того, я просила адвоката, бывшего депутата и Министра Лафона³ взяться за его дело. Тот написал Вас. Вас. письмо. Сегодня я получила от В. В. письмо, в котором он пишет, что ответил Лафону, просит денег, просит, чтобы мы ему исхлопотали разрешение на посещение священника со Святыми Дарами, и пишет несколько слов о себе. Он, видимо, очень подавлен. Письмо его производит очень тяжелое впечатление. Он просит, чтобы я написала Вам, так как он «испытывает крайнюю потребность в Ваших молитвах». При чтении письма я даже расплакалась, — до того он там одинок и подавлен. Считаю, что я не имею права не передать Вам его просьбы. В ответ на его письмо я немедленно написала Лафону, чтобы он хлопотал о переводе его в тюремную больницу и о разрешении отцу Михаилу причастить его. Пьянов⁴ послал ему деньги. Вообще, мы будем делать все, что в наших силах, во-первых, чтоб облегчить

* Весной о. Сергий тяжело заболел: раком горла: «Сегодня глянула мне в лицо смерть»... так начинается дневниковая запись от 6 марта 1939 г.

** В начале войны, в сентябре 1939 г., В. В. Зеньковский, среди многих других эмигрантов, был без всякого повода арестован французскими властями. После сорока дней сидения в одиночке в парижской тюрьме Санте (откуда он написал письмо матери Марии), он был переведен в лагерь на юг Франции. После занятия Франции немцами освобожден. Во время заключения, продлившегося 14 месяцев, принял решение стать священником.

его пребывание в тюрьме, во-вторых, чтобы добиться скорейшей его реабилитации и выхода на свободу.

Больше сейчас ни о чем писать не хочется.

Я буду рада, если мы сможем ему помочь.

Ваша монахиня Мария.

Письмо протоиерея Сергия Булгакова митрополиту Евлогию

Благодарственное письмо было написано на следующий день после Духова дня¹, в который о. Сергей Булгаков отмечал годовщину рукоположения. В этот день ему был выдан диплом доктора honoris causa² Богословского института преподобного Сергия в Париже. Диплом сопровождался поздравительной грамотой митрополита Евлогия (Георгиевского), которая не сохранилась. Ответ о. Сергия Булгакова свидетельствует о его доверительных отношениях с митрополитом Евлогием и о близости их взглядов на церковную жизнь и место, которое должно занимать в ней богословие. Слова о. Сергия Булгакова об «искренности и свободе православной мысли» перекликаются с известным исповеданием веры в свободу Церкви, которое мы находим в заключении книги воспоминаний митрополита Евлогия «Путь моей жизни»³: «В рамках церковных догматов и канонов свобода Церкви есть основная стихия, голос Божий, звучащий в ней: можно ли его связывать, заглушать? Внешняя связанность и подавление этого голоса ведет к духовному рабству. В церковной жизни появляется боязнь свободы слова, мысли, духовного творчества, наблюдается уклон к фарисейскому законничеству, к культуре формы и буквы — все это признак увядшей церковной свободы, рабства, а Церковь Христова — существо, полное жизни, вечно юное, цветущее, плодоносящее... <...> Самая упорная борьба всей моей жизни была за свободу Церкви. Светлая, дорогая душе моей идея... Церковное творчество есть высший показатель церковной жизни, ее развития, расцвета. Истину Христову я привык воспринимать широко, во всем ее многообразии, многогранности. Узкий фанатизм мне непонятен и неприятен. Вне церковной свободы нет ни живой церковной жизни, ни доброго пастырства. Я хотел бы, чтобы слова о Христовой свободе запали в сердца моих духовных детей, и чтобы они блюли и защищали ее от посягательства, с какой бы